

УДК 101.9

ГЕНЕЗИС ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Х. УАЙТА¹

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена проблемам генезиса философии Х. Уайта. Продемонстрировано, что на формирование его концепции оказали влияние как классическая, так и постклассическая философия. Находясь под определенным воздействием идей И. Канта, Х. Уайт выходит за рамки классической философии, обращаясь к философским воззрениям Ф. Ницше, теории исторического воображения Р. Дж. Коллингвуда, концепциям исторического нарратива, новой литературной критике, постпозитивизму, структурализму и постструктурализму.

Ключевые слова: *историческое повествование, репрезентация, формализм, аналитическая философия, постпозитивизм, структурализм, постструктурализм.*

Проблемы современной аналитической философии истории, развивающейся в условиях лингвистического поворота и постмодернизма, сосредотачиваются на поиске синтетического варианта междисциплинарного видения практики историографии на базе истории, философии, литературы, социологии, психологии, антропологии, лингвистики. Понимание истории как текста, проблемы повествования и его создания исследовались одним из наиболее известных представителей риторического подхода к историческому нарративу – Хейденом Уайтом. До Х. Уайта историописание ограничивалось перечислением великих историков прошлого и кратким изложением их сочинений, при этом исторические тексты не были проанализированы на лингвистическом уровне.

Историк по образованию, Х. Уайт обращается к проблеме создания истории, поскольку написание истории и причины изучения прошлого более привлекали его внимание, нежели само исследование прошлого. Сам мыслитель отмечал: «Профессия историка открывалась передо мной как нечто удивительное, как взгляд с некой антропологической точки зрения. Странно ведь, что в обществе есть люди, профессионально исследующие прошлое... Почему люди увлечены этим занятием? Почему Запад породил такую профессию? Каковы социальные функции изучения прошлого? Каковы функции идеологии и пропаганды? Они учат чему-то и утверждают что-то, основываясь на власти, данной знанием прошлого. Это поразило меня, это было необычайно странной вещью, и я стал ее активно изучать» [6, с. 28–29]. Х. Уайта интересует прошлое как проблема, «наверно, главным образом потому,

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-00047.

что у меня самого прошлого нет, т. е. я так и не нашел никакого наследства или достояния, завещанного мне поколениями предков» [2]. Предмет истории – это прошлое, являющееся довольно проблематичным объектом исследования. Прошлое – это царство мертвых, или, «как говорил Хайдеггер, область того, что однажды существовало». Сейчас оно не доступно для восприятия, но узнается по следам, которые оставили жившие люди [26, р. 333]. Кроме того, обращение Х. Уайта к проблематике философии истории также было обусловлено развитием университетского движения и реформирования в 1960-х гг.

Интересы Х. Уайта как историка и философа истории сложились под влиянием У. Боссенбрука – преподавателя университета Уэйна, где учился Х. Уайт, Л. Бека из университета Рочестера в Нью-Йорке, где некоторое время работал Уайт, и Л. Минка. Х. Уайт использовал прием Боссенбрука – интерпретировать и одновременно давать унифицированный образ исторического объекта. Уайт разделял многие идеи Л. Бека, считая себя кантианцем в вопросах исследования истории и культуры [1].

Одними из первых источников вдохновения для Х. Уайта стали Р. Дж. Коллингвуд и Б. Кроче, поскольку «они поставили вопрос о том, почему мы изучаем историю... Когда я был аспирантом в университете Мичигана, я работал вместе с Морисом Мандельбаумом, который в то время был единственным ученым в Соединенных Штатах, занимающимся проблемами философии истории. Другими источниками вдохновения стали для меня великие глубокомыслящие историки, такие, как Хейзинга... он не только писал историю, но и размышлял о том, как это надо делать» [6, с. 33–34].

Определенное влияние на становление философских взглядов мыслителя оказал новый литературный критицизм. «Новая критика» как метод текстологического анализа сформировалась в США в 1930-е гг., стала доминирующей в 1940–1950 гг., и включало в себя работы Т.С. Элиота, И.А. Ричардса, У. Эмпсона, П. де Манна, Н. Фрая и т. д. В противоположность традиционному литературному критицизму, который делал акцент на содержание и происхождение текста практически так же, как и на сам текст, новые критики заявляли, что литературные тексты являются полными сами по себе, следовательно, текст следует прочитывать как независимый и заверченный предмет искусства. Большинство исследований нового критицизма представляют формалистический тип критической интерпретации, акцентирующий внимание на исследовании техник, структур, тем и сообщений текста [17]. При этом единство и значение текста создаются формальными и риторическими средствами, оно является свободным от любых барьеров рефлексии относительно социального мира, в котором он создается, или от любой связи с автором, который его создает. Формализм, сосредоточенность на исследовании непосредственно текста, его структуры, средств

выразительности и способа трансляции значения оказались привлекательными для мыслителя. Формализм Х. Уайта является ироническим по своему характеру, он отходит от традиции восприятия истории как уникального и выступает против имитации научной уникальности и объективности в данной дисциплине. Формализм он представляет как наиболее объективный способ анализа, полезность которого обуславливается способностью учитывать большое количество структурных элементов приведенного текста, чем любой другой метод, ориентированный на содержание. По мнению Д. Гарлана, Х. Уайт развивал строго формалистическую модель исторического воображения, рассматривая исторические точки зрения как акты воображения, которые структурируются и управляются посредством модели мыслительных категорий, одновременно априорных и универсальных [11].

Х. Уайт соглашается с Н. Фраем относительно того, что история является вербальной моделью последовательности событий, внешней по отношению к разуму историка. Исторические структуры и процессы отличаются от своих оригиналов, так как человек не может увидеть прошлую реальность, чтобы понять, адекватно ли историк ее репрезентировал. Во-первых, Х. Уайт рассматривает историю как конструкт, созданный на Западе, в то время как другие культуры соотносили свое прошлое способами, отличающимися от данной модели исторического пути [25]. Х. Уайт также соглашается с К. Леви-Строссом, отмечая, что история является мифом Запада [26, р. 337]. Во-вторых, философ говорит о сконструированном характере модели исторического процесса. Разные историки подчёркивают различные аспекты одного и того же исторического поля, одного и того же набора событий, потому что они действительно видят разные объекты в этом поле, условно группируя их в разнообразные классы и виды исторического опыта, рассматривая взаимоотношения между ними в различных терминах в соответствии со структурой повествования [5, с. 317–318]. Историческое повествование, по сути, является сконструированным образованием, содержание которого скорее изобретается, нежели обнаруживается. Стало быть, историк может рассказать различные типы историй об одном и том же наборе событий без каких-либо нарушений критериев истинности на уровне репрезентации фактов [21].

Х. Уайт согласен с П. де Маном, который рассматривает риторику как теорию тропов и как один из способов наделения фактов значением. Значения создаются посредством репрезентаций в языке, которые стоит рассматривать как соединения слов, выражающееся в образах, фигурах и знаках, а не как содержащееся в вещах и словах. Отмечая прагматический характер риторики, Х. Уайт, под влиянием ситуационной логики К. Поппера, призывает к развитию ситуационного мышления, так как «истина всегда абстрактна. Вы может рассмотреть все типы истинностной информации, но они не помогут вам в какой-либо ситуа-

ции. Каждая ситуация требует определенный тип подходящего знания» [17]. История не обеспечивает человечество какими-либо ответами, но она дает практику ситуационного мышления, так как демонстрирует различные типы ситуаций, ограниченных во времени и пространстве.

Наиболее ярко формалистическая методология Х. Уайта проявилась в «Метаистории», посвященной анализу работ выдающихся историков и философов истории как неких целостностей, обусловленных уровнями концептуализации исторического сочинения. Рассматривая метаисторический уровень как неотъемлемую структуру, Х. Уайт отмечает, что она не состоит из теоретических понятий, явно используемых историками, так как они сравнительно легко идентифицируются на «поверхности текста». Вместо этого мыслитель предлагает различение трех типов стратегий, которые могут применяться историками для получения различного рода «эффекта объяснения»: объяснение посредством формального доказательства (formal argument), объяснением посредством построения сюжета (emplotment) и объяснением посредством идеологического подтекста (ideological implication) [28, p. 72]. Под объяснением посредством построения сюжета Х. Уайт понимает придание «смысла» истории на основе установления типа истории, в рамках которого последовательность событий раскрывается как история определённого типа. Философ, следуя за Н. Фраем, выделяет четыре типа построения сюжета: Роман, Трагедия, Комедия и Сатира. Используя анализ С. Пеппера, Уайт выделяет четыре парадигмы формы, которые может принимать историческое объяснение, рассматриваемое как дискурсивное доказательство: Формалистскую, Органицистскую, Механистичную и Контекстуалистскую. Идеология в историческом описании отражает этический элемент в позиции историка относительно природы исторического знания и выводов. Следуя анализу К. Манхейма в «Идеологии и утопии», Х. Уайт предлагает четыре основные идеологические позиции: Анархизм, Консерватизм, Радикализм и Либерализм [5, с. 27–42].

Одновременно мыслитель выступает против тотальной категоризации. Для гуманитарных дисциплин она может быть недостаточной, поскольку является внешней, оценивающей структуры и типы. По мнению Х. Уайта, и А. Лавджой, и Э. Кассирер допускали подобную ошибку: «Их организационные принципы являются универсальными типологически. В целом они избегают проблемы интеллектуальной исторической динамики» [24, p. 192–193]. Более адекватным, по мнению философа, является семиологический подход к изучению текстов, позволяющий обсуждать проблему надежности текста, избегая вопросов объективности. Это отчасти подразумевает поворот герменевтического интереса от содержания текста, которое постигается, к его формальной форме.

Осмысление проблем повествования как специфической формы историографического творчества, сближающей историю с литературой

и разграничивающей ее со сциентистски-объективистским способом рассмотрения реальности, привело к постановке новых методологических проблем [3, с. 38]. Х. Уайт, преобразовывая и сочетая формализм с наследием классической и постклассической европейской философии, оказал значительное влияние на формирование новой интеллектуальной истории. Данное направление начало складываться в 1970-е гг. в русле «лингвистического поворота» и «семиотического вызова». Непосредственным ее предметом являются тексты, отражающие элитную, интеллектуальную мысль определенной эпохи [там же, с. 34].

Рассуждая в рамках новой интеллектуальной истории, Х. Уайт отходит от идеи уникальности истории и признает ее связь с литературой, что подразумевает единство таких характеристик обеих дисциплин, как субъективность, язык и риторика. Х. Уайт отмечает, что репрезентации историков являются «литературными» (поэтическими и «риторическими»), т.е. отличными от научного дискурса [5, с. 32]. Вместе с тем историческое объяснение не должно быть однозначно отнесено как к категории литературной истины, так и к акту чистого воображения, но может быть рассмотрено как метафора, управляющая повествовательной последовательностью и включенная в исторический контекст. Можно отметить влияние К. Поппера в следующем утверждении Х. Уайта: историк (как и ученый, и артист) должен представлять определенную перспективу видения мира, которая не претендует на исчерпывающее описание или анализ всех данных проблемного поля, а предлагает один из возможных способов открытия различных аспектов исследования. Подобное методологическое и стилистическое разнообразие приводит к признанию множества способов репрезентации мира [23].

Уайт отмечает, что в истории не существует сюжетов, равно как и не существует единого сюжетного плана во всей мировой истории. Подобное нетеологическое рефлексивное отношение, динамически открытое ко всему новому, является следствием непочтительного ницшеанского отношения к консервативным злоупотреблениям историей, которые формируют чувство «долга» перед прошлым [8]. В «Метаистории» Х. Уайт стремился концептуализировать поэтику исторического сочинения. Поэтика, указывающая на художественный аспект исторического сочинения, рассматривается как определенный постоянный способ языкового использования, посредством которого объект исследования трансформируется в субъект дискурса. Как отмечает Е.Г. Трубина, слово «поэтический», использованное Х. Уайтом для подчеркивания литературного характера работы историка, понимается им через призму первоначального смысла слова *poiesis* (создание, сотворение или изготовление). По словам Х. Уайта, литературность истории есть парадигма, которая функционирует как метаисторический элемент во всех исторических работах [4, с. 509]. Размышления относительно единой парадигмы, так же как и идея построения исторически сменяю-

щих друг друга, сложно структурированных моделей исторического повествования, свидетельствует о влиянии постпозитивизма, в частности концепции Т. Куна, на формирование взглядов мыслителя.

Х. Уайт, следуя за Дж. Вико, выделяет четыре основных тропа: Метафору, Метонимию, Синекдоху и Иронию. Данные тропы «обеспечивают характеристику объектов в различных типах непрямого, или фигуративного, дискурса». Х. Уайт отмечает, что тропы функционируют не только как фигуры речи, но как фигуры мысли и выступают как идентичные или аналогичные когнитивным формам сознания. Историки используют те же тропы, что существуют в обыденном дискурсе и литературе. Развитие исторического мышления может быть рассмотрено как фаза в рамках традиции дискурса, эволюционировавшей от Метафорического толкования исторического мира, через Метонимическое и Синекдохическое толкование к Ироническому постижению неустранимого релятивизма всего знания. Эволюция философии истории (от Гегеля через Маркса и Ницше к Кроче) представляет собой то же самое развитие. И в философии истории, и в историографии возникают те же основные модальности концептуализации, хотя и артикулируются они в разной последовательности [5, с. 57–61].

При анализе исторических интерпретаций как вербальных структур, Х. Уайт предлагает использовать тропологию, рассматриваемую как теория преобразования и дискурсивного построения сюжета, с помощью которых историки придают событиям статус факта и наделяют их смыслом [там же, с. 7]. Тропология представляет собой теоретическое объяснение вымышленного дискурса и способов, посредством которых различные тропы (метафора, метонимия, синекдоха и ирония) создают образы и связи между ними. Ф. Анкерсмит, сравнивая И. Канта и Х. Уайта, отмечает, что тропология является тем, что транслирует сознание в прошлую реальность, но при этом не является частью этой реальности сама по себе. Современники И. Канта довольно быстро оценили революционные последствия трансцендентализма, в то время как современники Х. Уайта или упорно придерживались догматического эмпиризма, или принимали тропологию без понимания, каким образом она может оказаться успешной при согласовании требований эмпиризма с трансцендентальной исторической причинностью [7].

Р. Доран выявляет параллели между утверждением И. Канта (интуиция и концепты конструируют основания знания) и высказыванием Х. Уайта о том, что тропы выстраивают дискурсивно всю сформированную мысль. Тропы создают чувство исторической реальности, выступая как прообразы в семантическом поле, в котором они неизбежно реализуются. Следовательно, данная функция тропов аналогична критике чистого разума, так как она «набрасывает» условия возможности исторического письма [10]. Х. Келлнер, в свою очередь, обнаруживает сходства между четырьмя тропами Х. Уайта и четырьмя категориями рас-

судка И. Канта [13]. Сопоставляя категории рассудка И. Канта и тропологию Х. Уайта, Ф. Анкерсмит отмечает, что категории рассудка являются условным знанием о мире и не функционируют как альтернативы друг к другу, в то время как тропы и типы сюжетов являются вариативными, следовательно, нельзя рассматривать их как идентичные [7].

Постепенно Х. Уайт осуществляет поворот от теории исторического письма, основывающейся на тропах и наиболее ярко представленной в «Метаистории», к теории дискурса, исторического нарратива и репрезентации, исследуемых в «Тропиках дискурса» и «Содержании формы». В книге «Тропики дискурса» Х. Уайт в первую очередь обращается к проблеме исторического дискурса. Хотя Х. Уайт соглашался с главными целями лингвистического поворота, он предпочитал относить свои работы к дискурсивному повороту: «...то, что я делаю – это восприятие истории как набора дискурсов, создающих собственный объект исследования процессов, признаваемых как укорененные в языке и являющихся более риторическими, чем грамматическими» [10].

Мыслитель следует традиции восприятия дискурса, идущей от М. Фуко, включая в контекст рассмотрения дискурса экстралингвистические факторы как идеологические установки, необходимые для понимания. Дискурс – это жанр, в котором реализуется один из возможных способов отображения реальности, однако при этом признается возможность выражения вещей противоположным образом. Тропы при этом выступают в качестве механизма, без которого дискурс не может полностью функционировать [28, р. 2–3]. Следовательно, теория дискурса Уайта является тропологической, в рамках которой предлагается способ классификации определенных видов дискурса путем соотнесения их с лингвистическими моделями, которые предопределяют идентифицируемое содержание [ibid, р. 21]. Риторический анализ исторического дискурса признает, что каждая история содержит не только определенное количество информации и интерпретации того, что эта информацию обозначает, но также более или менее открытое сообщение относительно отношения, которое читатель должен принимать до общаемых данных и формальной интерпретации. Как отмечает Х. Келлнер, Уайт рассматривает дискурс как динамическую силу, которая соединяет префигуративную и финальную стадии лингвистического процесса. Дискурс также соединяет вместе в текстуальном виде описание вещей и значений, представляемых в тексте [13].

Исторический дискурс следует рассматривать не как зеркальное отображение последовательности событий, которые он описывает, а как знаковую систему, которая развивается в двух направлениях: во-первых, относительно набора событий, которые она описывает, во-вторых, в общей форме повествования, уподобляемой набору событий, необходимых для того, чтобы раскрыть его формальные сходства, рассматриваемые как структура или процесс. В дискурсе выделяются два

уровня – уровень фактов и уровень интерпретации, – следовательно, он является комбинацией фактов и значения.

Рассматривая проблему нарративности, Х. Уайт обращается к исследованиям ведущих европейских и американских теоретиков, формируя риторический подход к нарративу. Мыслитель полагает, что существуют различные типы нарратива и объяснения, исходящие из вида согласованности, которыми наделяются события, располагаемые в соответствии с определенной структурой сюжета. Можно сказать, что нарративные точки зрения объясняют реальные события, приводя их в соответствие определенному типу сюжета: эпическому, комическому, трагическому, фарсу и другим. Этот тип взаимосвязи задается посредством техники создания сюжета [22, р. 65].

Дискуссии касательно нарратива в исторической теории длились на Западе в течение 20–30 лет. Х. Уайт выделяет четыре принципиальных позиции: первая представлена англо-американскими аналитическими философами (В. Уолш, П. Гардинер, У. Галли, М. Уайт, А. Данто, Л. Минк), которые пытались установить эпистемологический статус нарративности, рассматривая ее как вид объяснения, особенно подходящий для исторических, как противостоящих природным, событий и процессов. Второе направление представлено социально ориентированными историками, примером которых выступают представители школы Анналов (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Л. Р. Ладюри). Сторонники данного направления рассматривали нарративную историографию как ненаучную идеологическую репрезентационную стратегию, завершение которой необходимо для трансформации исторических исследований в настоящую науку. Третье направление представлено семиологически ориентированными литературными теоретиками и философами (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Э. Бенвенист, У. Эко). Особое внимание Х. Уайт уделил работам Р. Барта и М. Фуко. Никогда много не писавший о Барте Уайт считает его «величайшим и наиболее изобретательным критиком послевоенного периода... на Западе. А вот о Фуко Уайт писал много, он прочитал его книги еще до их перевода на английский язык, и они стали своего рода лакмусовой бумагой для его собственных идей» [1]. Представители данного направления изучали нарратив во всех его проявлениях и рассматривали его как еще один дискурсивный код среди других, который может как подходить, так и не подходить для репрезентации реальности, поскольку зависит только от прагматической цели создателя дискурса. Четвертая группа представлена герменевтически ориентированными философами, такими, как Х.Г. Гадамер или П. Рикер, которые рассматривали нарратив как манифестацию в дискурсе специфического осознания и времени или структуры времени. Х. Уайт также выделяет пятую категорию, а именно тех философов, которые не принадлежат ни к какой определенной философской или методологической традиции, но выступают как защитники исторических исследова-

ний как ремесла и рассматривают нарратив как приемлемый способ создания истории или ее практики. Для этой группы не существовало теоретических проблем нарратива [18, р. 7–8].

Х. Уайт критически проанализировал каждое из выделенных направлений. По мнению философа, сторонники идеи возвращения к нарративу в историческом сочинении открыто признавали только риторическую функцию нарратива. Они рассматривали его как средство возрождения интереса к истории среди разочарованных вследствие абстрактности методов структуралистов и теоретиков социальной науки и сухости безличного сочинения. Но, как отмечает Х. Уайт, такой подход расходится с результатами исследования сущности риторики в целом и нарратива в частности. Ф. Бродель отрицал возможность использования нарратива в исторической репрезентации вследствие очень идеологизированного содержания любой исторической точки зрения, воплощаемой в этой форме. Аналогичную «атаку» предпринял Р. Барт. С их точки зрения, функция нарратива состоит в том, чтобы «создать спектакль», а не репрезентировать. Подобное неприятие нарратива отражает общее структуралистское неприятие этого типа историографии, так как подобная форма повествования отводит слишком много внимания мифическому мышлению и художественному дискурсу [22, р. 59–61]. Х. Уайт, соглашаясь относительно наличия идеологии в нарративе, не отрицает при этом его ценности как способа исторического письма. Мыслитель предложил понимание нарратива как отдельного типа дискурса, продукта вербальной фигурации (придания формы) и обратился к исследованию природы повествования, во многом основываясь на идеях Л. Минка [ibid, р. 67]. Только на уровне нарратива возможно конфигуративное понимание, поскольку аргументация историка должна быть рассмотрена и на уровне сюжета, и на уровне теории. Нарративность подразумевает под собой рефлексивность о природе культуры и, возможно, даже человеческой природе, поскольку нарратив является естественным и используется для передачи любого сообщения о тех вещах, которые действительно произошли. Нарратив, по сути, является спорным только в культуре, которой он не свойствен, в которой он отсутствует или отрицается. Следствием этого является тот факт, что нарратив может рассматриваться как решение проблемы наиболее общего концепта человечества, т.е. проблемы перевода знания в рассказ, проблемы преобразования человеческого опыта в формы, подходящие к структурам понимания, которые являются общечеловеческими, нежели культурно-специфическими. Это подразумевает, что существует далеко не один код, посредством которого культура упорядочивает опыт, однако нарратив является метакодом, человеческой универсалией, на основе которой могут быть переданы межкультурные сообщения о природе общей реальности [27, р. 5–6].

Очевидно, что рассматриваемые как рассказы о событиях конкурирующие нарративы могут быть оценены, ранжированы на основе их точности по отношению к фактическим данным, их всеобъемлемости, полноты и согласованности аргументов, которые они содержат. Но нарративы состоят не только из сингулярных фактических предложений и аргументов, они также включают в себя поэтические и риторические элементы, вследствие чего представляют собой нечто большее, нежели набор фактов, превращенных в историю [20, р. 38].

Поскольку исторический нарратив наделяет набор реальных событий типами значений, обнаруживаемых в мифе и литературе, его возможно рассмотреть как продукт аллегории. Поэтому прежде чем анализировать исторический нарратив как мифический или идеологический по своей природе, более правильно определить его как аллегорический, выражающийся в следующей фразе: он говорит одно, а подразумевает другое. Истинность нарративной формы заключается в том, что она отображает себя исключительно неявно, посредством аллегорий [18, р. 21–23]. Подход мыслителя к нарративности, как следует из вышеизложенного, является риторическим, синтезом новой литературной критики, дискурсивных практик и ведущих нарративных концепций.

Исторический нарратив не изображает вещи, а скорее напоминает образы вещей, о которых идет речь, тем же способом, что и метафора. Метафора характеризует вещь, дает направления поиска набора образов, которые ассоциируются с вещью, но не изображают ее. Метафора не приводит описания вещи, которую она изображает, но рассказывает нам, какой образ следует искать в культурно обусловленном опыте для определения ощущений относительно изображаемой вещи [28, р. 91]. В целом Х. Уайт следует за характеристиками метафоричности, понимаемой как описывающая социально-антропологические реалии в такой же мере, как и художественные, предложенными еще К. Берком. Метафоричность выступает как основа фигуративности языка и логики сходств. Идея К. Берка о совпадении принципов лингвистической и социальной системы в истоке нашла отражение в истолковании Уайтом нарративности как придающей реальности нравственные функции и таким образом, идентифицирующей ее с социальной системой, которая является источником всей представляемой морали [9, р. 232].

Европейская философия также оказала существенное влияние на формирование концепции этого автора. Одной из наиболее важных проблем, поднимаемых мыслителем, является мораль и этика. Х. Келлнер указывает на гуманизм философа, относя Уайта к философам реформаторам, таким как Дж. Вико и Ф. Ницше. Х. Келлнер также отмечает, что «первичность индивидуальной воли» у Уайта является единственным фундаментализмом, который содержит «Метаистория» и который приводит Уайта к опровержению возможности надындивидуальных стандартов репрезентации реальности [12]. Для Х. Уайта, как и для

Б. Кроче, историческое исследование всегда связано с моральными убеждениями. Испытывая определенное влияние Р.Дж. Коллингвуда, Х. Уайт отмечает, что выбор изучаемого и методологии исследования позволяют говорить о том, каким является человек.

Цитируя позднего И. Канта, Уайт отмечает, что истории следует рассматривать исключительно на основе морально-эстетической ценности, но баланс между ними достаточно трудно обнаружить. Соглашаясь с точкой зрения Д. Мозеса, согласно которой «историческое» следует рассматривать как «этическое», Х. Уайт, тем не менее, говорит о необходимости рассуждения о взаимодействии исторического и этического. Историческое прошлое является этическим в том смысле, что его объект (жестокость, потеря, событие, смерть) вызывает в индивидах тип двойственных чувств о нас как о другом, которые появляются в ситуациях, требующих выбора и действия. Для исследования событий данного типа необходимо рассмотреть этически богатые традиции литературного выражения [26, р. 339–340]. Признавая роль этики и морали в историческом сочинении, Х. Уайт говорит о необходимости разграничения этих понятий, традиционно связывая мораль с установленными нормами сосуществования людей, а этику как задающую принципы существования с другими (милосердие, справедливость, самообладание и др.).

Х. Уайт присоединяется к П. Гэю, отмечающему, что историческое повествование без анализа является тривиальным, а исторический анализ без повествования является незавершенным. Эта формулировка порождает кантианское убеждение в необходимости повествования в исторической репрезентации и является переложением И. Канта, отмечавшего, что исторический нарратив без анализа является пустым, а исторический анализ без нарратива безликим [27, р. 10].

Кантианство Уайта проявляется и в концепции префигурации, предшествующей всему, что историк хочет сказать о прошлом, и являющейся трансцендентальным условием возможности исторического познания. По мнению Ф. Анкерсмита, префигурация является двойником трансцендентальной эстетики и аналитики И. Канта и выступает как трансцендентальное условие возможности исторического знания [7]. Вместе с тем хотя префигурация является специфической комбинацией компонентов топологической сетки, по которой историк определяет природу исторического поля, она не определяет того, что историк хочет сказать о прошлом. В подобном поэтическом акте историк создаёт собственный объект анализа и предопределяет модальность используемой концептуальной стратегии [5, с. 51]. Префигурацию также можно охарактеризовать как морально-этический акт, поскольку воображаемое конструирование какого-либо явления как объекта исследования неизбежно основывается на морально-этических предпочтениях автора.

Еще одним влиянием философии И. Канта является интерпретация возвышенного и прекрасного. Х. Уайт рассматривает ключевые фигуры мыслителей XIX в. как по-разному «ограничивающих» возвышенное, ассоциируя его с иррациональностью, потрясениями и террором, при этом отдавая привилегированное положение прекрасному как проявлению рациональности. В исследовании исторической интерпретации Х. Уайт присоединяется к Ж. Ф. Лиотару, отдавая предпочтение потенциальной открытости и незавершенности возвышенного как последствия столкновения с хаосом, бессмысленностью истории и как противовес эпистемологической иерархии. Как отмечает Х. Келлнер, дискурс возвышенного у Х. Уайта является активным риторическим средством. Возвышенное помогает освободиться от настоящего, но не посредством прошлого, а через ожидания будущего, которые не могут быть предсказаны [13].

Х. Уайт также не остался равнодушным к воззрениям экзистенциалистов, воспринимая историческое прошлое как пространство определенного рода, в котором осуществляется взаимодействие. Если поколение не может найти какие-либо «формы и образы», адекватные потребностям и желаниям в моделях, которые предлагает существующая культура, то оно отвернется от своей исторической культуры, чтобы создать другую, выбрав иное прошлое. Испытывая определенное влияние Сартра, Х. Уайт полагает, что мы выбираем наше прошлое тем же способом, как мы выбираем наше будущее. Историческое прошлое, следовательно, является мифом, оправдывающим наши ожидания относительно специфического будущего. Мыслитель адаптирует данные экзистенциалистские взгляды, трансформируя их в полномасштабную философию истории. «Процесс ретроспективного конструирования предков» является тем, в чем проявляется историческое сознание». Конструируя прошлое, мы утверждаем нашу свободу; «стремясь обнаружить обоснование для нее в нашем прошлом, мы обнажаем себя перед свободой, которая позволила нам стать тем, кто мы есть» [14].

Э. Ауэрбах также оказал существенное влияние на историко-философскую концепцию Уайта. Концепт префигурации включает в себя анализ взаимоотношений между префигурацией и осуществлением как функциями темпорально реализуемого исторического проекта. Поскольку каждый акт повествования рассматривается как способ выбора прошлого, можно говорить о том, что в нем объединяются экзистенциализм раннего Х. Уайта и нарративистский подход, развитый под влиянием Ауэрбаха. Философ выделяет две стадии работы с историческим текстом: префигурация и осуществление (fulfillment), происходящие из христианского концепта, в частности из идеи схождения Старого и Нового завета [8]. Подобная префигуративно-осуществленная модель нарративности содержит утверждение, что историк является пророком, вещающим «исключительно в обратном направлении». Другими словами,

историк придает форму определенному набору событий как законченному и реализованному, видя в ранних событиях последовательность и «несовершенные ожидания того, чем окажется это случай позднее». Эффект значения в подобной нарративной репрезентации создается посредством соотнесения событий в том порядке, в котором они произошли, конструируя их как ключи к разгадке сюжетной структуры, которая будет определяться только в конце повествования [19].

В книге «Фигуральный реализм» Х. Уайт отмечает, что прямое столкновение с реальным невозможно. Три главных теоретических средства – теория тропов, содержания нарратива и фигура – являются абстрактными структурами, предлагающими взгляд, который потенциально является метауровнем. Философ также развивает концепт фигуры, заимствованный у Э. Ауэрбаха. Только фигура, а не реальный человек может обладать какими-либо функциями в нарративе. Например, исторический нарратив о Наполеоне превращает реального Наполеона в фигуру для того, чтобы поместить его в нарративе [16].

Обращаясь к проблеме соотношения концепта и фигуры, Уайт отмечает, что при концептуализации человека происходит его стереотипизация. «Фигура – это антистереотип. Фигура воплощается в индивидуализации. Фигуративное мышление – это мышление в терминах образов. Логическое мышление воплощается в концептах» [ibid]. Принимая понятие «концепта» в литературной истории, Х. Уайт признает, что концепты являются «чисто эстетическими» и этот эстетический характер связан с фигуральностью. Следуя за концепцией мимезиса, мыслитель отмечает, что исторический реализм неизбежно является эстетическим, следовательно, реалистические репрезентации исторической реальности подчиняются тем же «превратностям» значения и условности, как и литературные, и художественные концепции реализма. Мимезис специфического содержания истории западного литературного реализма заключается в фигуральности самой по себе [15].

Итак, сочинения Х. Уайта содержат мыслительные ходы, выдержанные в духе как классической, так и постклассической мысли. Находясь под определенным влиянием взглядов И. Канта, нашедших отражение в идее префигурации и акцентировании роли морально-эстетических ценностей, Х. Уайт также применяет идеи постклассической европейской философии, обращаясь к философским воззрениям Ф. Ницше, теории исторического воображения Р. Дж. Коллингвуда, концепции мимезиса Э. Ауэрбаха, восприятию дискурса Фуко и европейской нарративистике.

Х. Уайт, рассуждая в границах аналитической философии истории и новой интеллектуальной истории, констатирует лингвистическую обусловленность исторических репрезентаций, выстраиваемых в соответствии с риторическими требованиями. Любое повествование обладает определенной сюжетной структурой, тропологическими характери-

стиками и языковыми особенностями, возникающими вследствие идеологической обусловленности языка. Тем самым происходит художественная реконструкция прошлого. При анализе исторических интерпретаций как вербальных структур Х. Уайт предлагает использовать тропологию, понимаемую как теория преобразования и дискурсивного построения сюжета, с помощью которых историки придают событиям статус факта и наделяют их смыслом. Мыслитель применял методологию литературного критицизма, исследуя проблемы историографии, языка и риторики в процессе написания истории, и постепенно осуществил поворот от тропологии к фигурации и фигурам, воплощаемым посредством нарратива. Следует отметить определенное влияние новой литературной критики, выразившееся в формалистической методологии анализа, особенно в рамках «Метаистории». Восприятие наследия структурализма проявляется в представлении истории как структуры, в сведении историографического исследования к анализу структур, возникающих в поле исторического воображения. Влияние постструктурализма выражается в интересе к риторике и сюжетным типам, связывающим определенные исторические события и значения. С постпозитивизмом Х. Уайта связывает использование стратегии ситуационной логики (К. Поппер) и признание возможности построения исторически сменяющих друг друга и сложно структурированных моделей исторического повествования (Т. Кун). В целом историко-философская концепция Х. Уайта представляет собой пример междисциплинарного видения истории, воплощаемой в нарративной форме, что включает в себя влияние таких направлений философской мысли, как формализм, нарративизм, структурализм, постструктурализм, постмодернизм, кантианство.

Список литературы

1. Кукарцева М. А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века [Электронный ресурс]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva_white.htm (дата обращения: 02.02.2016).
2. Маликова М. Интервью с Хейденом Уайтом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2006/2/intervyu-s-heydenom-uaytom> (дата обращения: 02.02.2016).
3. Русакова О. Ф. Методологические стратегии в современных исторических исследованиях: школа «анналов» и «новая интеллектуальная история» [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-strategii-v-sovremennyh-istoricheskikh-issledovaniyah-shkola-annalov-i-novaya-intellektualnaya-istoriya> (дата обращения: 02.04.2016).
4. Трубина Е. Г. «Метаистория» и историки // Уайт Х. Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века) / Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 505–518.

5. Уайт Х. Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.
6. Хейден Уайт // Доманска Э. Философия история после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 27–61.
7. Ankersmit F. White's «Neo-Kantianism»: aesthetics, ethics and politics [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
8. Ball K. Hayden White's Hope, or the Politics of Prefiguration [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.
9. Burke K. The Philosophy of Literary Form. Berkeley: University of California Press. 1974. 463 p.
10. Doran R. Editor's introduction: choosing the past: Hayden White and the philosophy of history [Electronic resource] // Philosophy of History After Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.
11. Harlan D. «The burden of history» forty years later [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
12. Kellner H. A bedrock of order: Hayden White's linguistic humanism // History and Theory. Vol. 19. № 4. P. 1–29.
13. Kellner H. Does the Sublime price explanation out of the historical market [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
14. LaCapra D. History beyond the pleasure principle [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
15. Megill A. The rhetorical dialectic of Hayden White [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
16. Muchowski J. I am not interested in truth. I am interested in reality. A conversation with Hayden White [Electronic resource]. URL: http://historyka.edu.pl/fileadmin/user_upload/news/Historyka_41/13_.pdf (accessed: 03.03.2016).
17. Ransom J. C. The New Criticism – Essay [Electronic resource]. URL: <https://www.enotes.com/topics/new-criticism-john-crowe-ransom/critical-essays/new-criticism> (accessed: 03.08.2017).
18. White H. A question of narrative in contemporary historical theory [Electronic resource]. URL: <https://www2.southeastern.edu/Academics/Faculty/jbell/white.pdf> (accessed: 03.03.2016).

19. White H. Comment [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.
20. White H. Historical emplotment and the problem of truth // Probing the Limits of Representation. Nazism and the «Final Solution» / edited by S. Friedlander. L.; Cambridge; Mass: Harvard University Press, 1992. P. 37–53.
21. White H. Historicism, history and figurative imagination [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/white_historicism.htm (accessed: 03.03.2016).
22. White H. Storytelling: historical and ideological [Electronic resource]. URL: http://faculty2.ric.edu/rfeldstein/521_fall_08_files/storytellinghistoricalandideological.pdf (accessed: 07.03.2016).
23. White H. The burden of history [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/white_burden.htm (accessed: 14.02.2017).
24. White H. The content of the form: narrative discourse and historical Representation. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. 264 p.
25. White H. The historical event [Electronic resource]. URL: <http://differences.dukejournals.org/content/19/2/9.full.pdf> (accessed: 01.02.2016).
26. White H. The public relevance of historical studies: a reply to Dirk Moses. // History and Theory. 2005. Volume 44. Issue 3. P. 339–347.
27. White H. The value of narrativity in the representation of reality [Electronic resource]. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic642734.files/White_Value_of_Narrativity.pdf (accessed: 14.02.2017).
28. White H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.

GENESIS OF H. WHITE'S PHILOSOPHICAL-HISTORICAL DOCTRINE

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

The article is focused on the problems of formation of H. White's philosophy within the field of heritage of both classical and postclassical philosophy. Under the influence of I. Kant's views, H. White builds a platform of synthesis of F. Nietzschean ideas with the theory of historical imagination developed by R.J. Collingwood, the historical narrative theory, new literary criticism, post-positivism, structuralism, and post-structuralism.

Keywords: *historical narration, representation, formalism, analytical philosophy, post-positivism, structuralism, post-structuralism.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – Ph.D. student of Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.